

ПАМЯТИ Н.Ф. ФЕДОРОВА (1829–1903)

IN MEMORY OF N.F. FEDOROV (1829–1903)

УДК 1(091) + 882

ББК 87.3(2) + 83.3(2)

Анастасия Георгиевна Гачева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья; Московская высшая школа социальных и экономических наук, ведущий научный сотрудник; библиотека № 180 имени Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО, главный библиотекарь, научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: a-gacheva@yandex.ru

В.Я. Брюсов, Н.Ф. Федоров и деятели Федоровианы 1900–1920-х годов: вопрос о смысле и целях искусства.

Статья первая.

О чем спорили Брюсов и Федоров в доме Ю.П. Бартенева

Аннотация. Статья представляет собой первую часть исследования проблемы духовно-творческого диалога родоначальника русского символизма В.Я. Брюсова и философа общего дела Н.Ф. Федорова. В работах российских и зарубежных исследователей этот диалог изучался в плане интереса В.Я. Брюсова к космическим темам, в контексте его теории научной поэзии. В центре внимания настоящего исследования вопрос о смысле и целях искусства. Впервые с привлечением новых, в том числе архивных, источников рассматривается реакция Н.Ф. Федорова на встречу с В.Я. Брюсовым, состоявшуюся 20 апреля 1900 г. в доме Ю.П. Бартенева. Показано, как возникший во время этой встречи мировоззренческий спор отразился в позднем творчестве философа. Раскрыто содержание спора и взаимосвязанность двух его тем – возможность/невозможность преодоления смерти и отношение к идеям Ф. Ницше. Проанализированы фрагменты статей и заметок Н.Ф. Федорова, в которых упоминается его спор с В.Я. Брюсовым. Реконструировано восприятие Н.Ф. Федоровым декадентства, мировоззренческий комплекс которого, как и идеи нового религиозного сознания, философ связывал с духовным кризисом эпохи fin de siècle, противопоставляя ему идею активного христианства, сотрудничества человека Богу в истории. Показано, как в полемике с ницшеанской эстетикой и эстетикой декаданса формируется литургическая эстетика Н.Ф. Федорова, в центре которой образ искусства как внехрамовой литургии. Рассмотрено отношение Н.Ф. Федорова к символизму, которому он противопоставлял религиозное понимание символа.

Ключевые слова: наследие Н.Ф. Федорова, творчество В.Я. Брюсова, мировоззренческий диалог, философия Ф. Ницше, эстетика декадентства, литургическая эстетика

Anastasia Georgievna Gacheva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Leading researcher at the Department of modern Russian literature and literature of Russia Abroad; Leading researcher at the Moscow School of Social and Economic Sciences; Chief Librarian, researcher at the Fedorov's Library no. 180 of the OKC of the Southern Administrative District of Moscow, Russia, Moscow, e-mail: a-gacheva@yandex.ru

V.Y. Bryusov, N.F. Fedorov and the Fedorovians of the 1900s-1920s: The Question of Meaning and Goals of Art**Article one:****What were Bryusov and Fedorov Arguing about in the House of Yu.P. Bartenev**

Abstract. The article is the first part of the study of the problem of spiritual and creative dialogue between the founder of Russian symbolism V.Y. Bryusov and the philosopher of common cause N.F. Fedorov. In the works of Russian and foreign researchers, this dialogue was studied by V.Y. Bryusov, in terms of the poet's interest in cosmic themes, in the context of his theory of scientific poetry. In this study, the focus is on the question of the meaning and purpose of art. For the first time, with the involvement of new, including archival sources, the reaction of N.F. Fedorov to the meeting with V.Ya. Bryusov, held on April 20, 1900 in the house of Yu.P. Bartenev, is considered, it is shown how the ideological dispute that arose during this meeting was reflected in the late work of the philosopher. The content of the dispute and the interrelation of its two themes – the possibility/impossibility of overcoming death and the attitude to the ideas of F. Nietzsche are revealed. Fragments of articles and notes written by N.F. Fedorov, in which his dispute with V.Y. Bryusov is mentioned, are analyzed. N.F. Fedorov's perception of decadence is reconstructed, the philosophical complex of which, as well as the ideas of the new religious consciousness, the philosopher associated with the spiritual crisis of the fin de siècle era, contrasting them with the idea of active Christianity, man's cooperation with God in history. It is shown how N.F. Fedorov's liturgical aesthetics is formed in the polemic with Nietzschean aesthetics and decadence aesthetics, in the center of which is the image of art as an extra-temple liturgy. The relation of N.F. Fedorov to the current of symbolism, to which he opposed the religious understanding of the symbol, is considered.

Key words: N.F. Fedorov's legacy' Y.Y. Bryusov's works, ideological dialogue, philosophy of F. Nietzsche, aesthetics of decadence, liturgical aesthetics

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.4.113-131

Мировоззренческий и творческий диалог В.Я. Брюсова с наследием Н.Ф. Федорова – яркая, но до сих пор недостаточно изученная страница жизни и творчества одного из родоначальников и ведущих деятелей русского символизма. В равной степени интересен и значим этот диалог и для реконструкции последних лет жизни Московского Сократа¹, который на рубеже 1900-х гг. внимательно присматривался к новейшим течениям в области философии и лите-

¹ Так назвал Федорова С.Н. Булгаков в статье «Загадочный мыслитель» (1908) (см.: Булгаков С.Н. Загадочный мыслитель (Н.Ф. Федоров) // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. М.: Наука, 1993. С. 287 [1]).

ратуры, вступая с ними в идейную полемику. Исследователями русского символизма и историками русской мысли тема «В.Я. Брюсов и Н.Ф. Федоров» преимущественно рассматривалась в контексте проблемы влияния федоровских идей на поэзию Брюсова, его интереса к космической теме, разработки теории «научной поэзии», а также в свете изучения традиции художественного космизма². Мы же попытаемся представить взаимодействие Федорова и Брюсова как двустороннее, привлекая данные, полученные в процессе работы над научным собранием сочинений Н.Ф. Федорова 1995–2000 гг., двухтомником «Н.Ф. Федоров: pro et contra», а также в процессе начатой в 2018 г. и продолжающейся по сей день работы над созданием Федоровской энциклопедии. Рассмотрим также сюжет диалога с поэтом деятелей Федоровианы первой трети XX в., веки которого существенно проясняются в связи с изданием сочинений и писем последователя идей Федорова, философа, поэта, эстетика А.К. Горского, вышедших в 2018 г. в научной серии ИМЛИ РАН «Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов». Обращение к указанным материалам дает основание утверждать, что в центре федоровско-брюсовского сюжета, который не завершился смертью Федорова в 1903 г., но был подхвачен последователями философа, лежит вопрос о смысле и целях искусства, неразрывный с вопросом о смысле истории и назначении человека.

О Н.Ф. Федорове В.Я. Брюсов узнал в конце 1890-х гг., когда стал секретарем и постоянным сотрудником журнала «Русский архив». Редактор журнала П.И. Барте́нев был знаком с «идеальным библиотекарем» и философом общего дела еще с 1869 г. (они вместе работали в Чертковской библиотеке, первой «всеобщей библиотеке России»), а его сыновья Юрий и Сергей, с которыми Брюсов тесно общался в конце 1890–начале 1900-х гг., глубоко сочувствовали учению Н.Ф. Федорова³. Ю.П. Барте́нев содействовал публикации на страницах «Русского архива» статей Федорова и его друга и ученика В.А. Кожевникова, а С.П. Барте́нев, впечатленный одной из бесед с философом в Каталожной Румянцевского музея, состоявшейся 30 октября 1895 г.,

² См.: Семенова С.Г. Философ будущего: Николай Федоров. М.: Академический проект, Парадигма, 2019. С. 209, 239, 560–564 [2]; Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект, Парадигма, 2016. С. 300–306 [3]; Hagemeister M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. S. 203–208 [4]; Гречишкин С.С., Лавров А.В. Андрей Белый и Н.Ф. Федоров // Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи: Очерки и публикации. СПб.: Изд-во «Скифия», ИД «Галас», 2004. С. 96–100 [5]; Батыр Т.Б. Мотивы философии Н.Ф. Федорова в творчестве В.Я. Брюсова // Славянские чтения. 2013. № 2(8). С. 135–147 [6]; Хайруллин К.Х. Космизм Валерия Брюсова // Дети Ра. 2016. № 12(146). URL: http://detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=17721. Дата обращения: 25.10. 2023 [7]; Карако П.С. В.Я. Брюсов как поэт природы и представитель русского космизма // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. 2021. № 2(58). С. 98–105 [8]; Рублева Н.И. «Космос как предчувствие» (Тема космических полетов в литературе Серебряного века) // Будущее как сюжет: материалы Междунар. науч. конф. Вып. 3. Вологда: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 69–78 [9].

³ См.: Барте́нев Ю.П. Памяти Николая Федоровича Федорова // Русский архив. 1904. № 1. С. 191–192 [10]; Барте́нев С.П. Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых // Русский архив. 1909. № 1. С. 119–122 [11].

даже написал программное стихотворение в прозе, в котором выводил образ пророка, призывающего к общему делу: «Довольно спать, опьяняться забавами и в бессмысленной борьбе убивать друг друга. Бросьте рознь! <...> Трубите в трубы, звоните в колокола и искру благовести воскресения раздувайте в пламя! Пусть колокольным звоном призыва зальется вся земля и пламя охватит пожаром всю вселенную. <...> Всеми и для всех совершится долг воскрешения сынами отцов» [12, с. 636].

Единственная встреча В.Я. Брюсова и Н.Ф. Федорова произошла 20 апреля 1900 г. в доме Ю.П. Бартенева. Дневниковая запись Брюсова, сделанная на следующий день, сжато и емко фиксирует содержание состоявшегося диалога:

«Сначала был у Черногубова и говорил о Фете. Потом у Ю. Бартенева. Там, кроме Кожевникова, видел Николая Федоровича (Федорова), великого учителя жизни, необузданного старца, от языка которого претерпевали и Соловьев (Вл.), и Толстой (Л.Н.). С самого начала разговора он меня поразил.

– Как-никак, а умереть-то нам придется, – сказал я.

– А вы дали труд себе подумать, так ли это? – спросил Николай Федорович.

Речь шла о Ницше, и вообще Николай Федорович нападал на меня жестоко. Я остался очень им доволен и, уходя (я спешил), благодарил его» [13, с. 2].

Уже эта краткая запись, сделанная непосредственно по следам встречи, показывает, что спор, развернувшийся между Федоровым и Брюсовым, был по-настоящему острым, а со стороны Федорова – и достаточно резким. Подтверждение находим в письме Ю.П. Бартенева, хозяина дома, В.Я. Брюсову, отправленном 21 апреля:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Мне весьма обидно, что Вы вчера у нас подвергнулись столь свирепому нападению несомненно замечательного, но невыдержанного старца. Не сетуйте на меня и снисходительно отнеситесь к 80-летнему мыслителю, от которого претерпевали и Соловьев, и Толстой. Его необузданный язык и горячий нрав ничем не могут быть удержаны, вчера он только что приехал из Асхабада, где живет его Аарон⁴. Смотря на него, я все больше убеждаюсь, как слаб даже самый святой человек.

Еще раз убедительно прошу извинить меня за инцидент.

Ваш Юрий Бартенева» [14, л. 11].

Очевидные, почти текстуальные совпадения в характеристике Федорова, обнаруживаемые в этом письме Ю.П. Бартенева и дневниковой записи В.Я. Брюсова («невыдержанный старец», «необузданный язык», «мыслитель, от которого

⁴ Речь идет об ученике Н.Ф. Федорова Н.П. Петерсоне, который в начале 1899 г. был переведен по службе в г. Асхабад. Н.Ф. Федоров приехал в Асхабад в августе 1899 г., а вернулся в Москву 20 апреля 1900 г.

претерпевали и Соловьев, и Толстой» – у Бартенева, «необузданный старец, от языка которого претерпевали и Соловьев (Вл.) и Толстой (Л.Н.)» – у Брюсова), заставляют предположить, что дневниковая запись была сделана после получения данного письма. При этом Брюсов, создавая с опорой на текст Бартенева словесный портрет Федорова и, вопреки его опасениям, ничуть не обижаясь на резкие выпады «старца», делает главный акцент не на форме, а на содержании спора, выделяя два его вектора: вопрос о неизбежности/преодолимости смерти и вопрос о философии Ницше.

Оба эти вопроса для самого Федорова были взаимосвязаны. Философия Ницше, пик популярности которой пришелся на конец 1890–начало 1900-х гг., представлялась ему трагическим соединением антропологического бунта против мещанской морали, против трусливых ограничений человеческого воления и свободы, с одной стороны, и пассивности в отношении смерти – с другой. На это роковое противоречие Ницше, стремившегося за пределы добра и зла, но не дерзнувшего призвать к устранению главной смертной преграды, Федоров настойчиво обращает внимание в целой серии статей и заметок, созданных на рубеже 1900-х гг. и представляющих собой напряженный, разворачивающийся в мыслительном и духовном пространстве эпохи спор с Ницше⁵ как одним из ее идейных кумиров, как с пророком сверхчеловечества, стремившимся задавать тон не только в философии, но и в жизни.

Подхватывая перчатку, дерзко брошенную автором Заратустры⁶ цивилизации как вызов привычному ей образу действия, устоявшемуся жизненному укладу, стереотипам мышления и поведения (для немецкого философа они не более чем филистерство, фиговый листок, прикрывающий леность и бессилие духа, нежелание двигаться вперед и вверх, создавая «что-нибудь выше себя»⁷, согласие на позорную участь полуживотного-получервя), Федоров указывал на стереотипность и недостаточную смелость мышления самого Ницше, который, чувствуя «необходимость для человека чего-то высшего» и воплощая эту потребность в образе «сверхчеловека», растрчивает «свои силы на младенчески-тщеславное превознесение» себя над другими людьми, коих он считает копошащимися в прахе «пигмеями», не дерзающими ни летать, ни мечтать о полете, и в результате «просматривает и оставляет без внимания общего врага-титана – смертоносную силу природы. Призывая к борьбе с себе подобными, Ницше не

⁵ О полемике Н.Ф. Федорова и Ф. Ницше см.: Zakydalsky T. Fedorov's Critique of Nietzsche, the «Eternal Tragedian» // Nietzsche in Russia / Ed. V.G. Rosental. N. Y., 1986. P. 113–125 [15]; Семенова С.Г. Николай Федоров и Фридрих Ницше // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 937–963 [16]; Гачева А.Г. «Христианство против ницшеанства»: Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев в полемике с Ф. Ницше // Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. С. 313–331 [17].

⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5–238 [18].

⁷ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 8 [18].

зовет к борьбе с источником всеобщих бед, всеобщего зла; бессильно, мало-душно мирится со смертью, с утратами»⁸.

Неоднократно в статьях и заметках о Ницше Федоров подчеркивал, что его бунт не может быть остановлен гуманистической риторикой и этикой в ее привычном секулярном изводе, утишен и сглажен всевозможными нравоучениями и душеспасительными призывами. Преодоление нищезанятия невозможно на путях старой «фарисейской» морали, отрицающей насилие над человеком как зло, но при этом признающей естественность смерти, закономерность и законность старения и умирания. Оно требует подлинной богочеловеческой этики, устремленной к преодолению смерти, воздвигающей императив возвращения к преображенной, бессмертной жизни всех жертв истории.

Ницше призывал не только за пределы добра и зла, но и за пределы христианства, которое он яростно и жестко разоблачал, обвиняя в слабости, творческой импотенции, отсутствии радости и презрении к живой жизни. Что касается Федорова, то он неоднократно подчеркивал, что пассивная, мироотрицающая религиозная установка неспособна противостоять витальной силе и дерзкому напору автора идеи сверхчеловека: «<...> Философия Ницше требует уже необходимо как реакция против себя христианства активного»⁹, христианства, не идущего на компромисс с послегрехопадным порядком природы, которая вводит в мир новые существа и безжалостно их умерщвляет, как это сделал немецкий философ в идее «вечного возвращения», пытаясь заслониться ею от трагедии смерти. Христианство – не религия пассивности, а религия деятельного сопротивления величайшему злу – смерти. А это зло мы особенно остро чувствуем через утраты дорогих нам людей, и прежде всего наших родителей, «которые нам дали или – вернее – отдали свою жизнь»¹⁰. Не *вечное возвращение*, а *всеобщее воскрешение* – таким, по Федорову, должно быть то подлинное дело, которого жаждет ницшевский Заратустра.

Глубокая убежденность в том, что путь к «высшему человеку»¹¹, апологию которого строит Ницше, лежит не по ту сторону добра и зла, а в исполнении Христова завета «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5: 48), неразрывного с заповедью о любви и единстве, прозвучавшей в Первосвященнической молитве Спасителя, что подлинное сверхчеловечество есть воскрешенный, восстановленный во всей полноте человеческий род, и двигала Федоровым в его горячем споре с Брюсовым, поэтом-родоначальником нового течения в искусстве, претендовавшего на то, чтобы задавать не только эстетический, но и духовный тон современности. Мыслитель пытался донести до одного

⁸ См.: Федоров Н.Ф. Шляхтич-философ // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 132 [19].

⁹ См.: Федоров Н.Ф. Христианство против нищезанятия // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 145 [20].

¹⁰ См.: Федоров Н.Ф. Конец сиротства: безграничное родство // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 202 [21].

¹¹ См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 206.

из ведущих творцов эпохи главный идейный нерв учения о воскрешении, как в свое время раскрывал свои идеи Л.Н. Толстому и В.С. Соловьеву, надеясь, что они подхватят, укрепят их собственным авторитетом и вынесут в мир.

Примечательно, что позиция Федорова по отношению к Ницше прямо перекликалась с позицией Соловьева, идеи которого уже производили свою созидательную работу в сознании будущих теоретиков младосимволизма А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, формируя их представление об искусстве не просто как орудии идеалотворчества, но как о субъекте богочеловеческого процесса, призванного «одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь»¹². В статье «Идея сверхчеловека» (1899 г.), указывая на присутствующий в ницшеанстве импульс восхождения человека к новой, высшей природе, он подчеркивает, что подлинный «“сверхчеловек” должен быть прежде всего и в особенности победителем смерти», «исполнителем тех условий, при которых возможно или вовсе не умирать, или, умерев, воскреснуть для вечной жизни», уточняя при этом, что совершить эту задачу возможно лишь в поле веры: «Задача смелая. Но смелый – не один, с ним Бог, который им владеет»¹³.

Диалог с В.Я. Брюсовым фактически встраивался в разворачивавшийся на протяжении двух десятилетий полилог Федорова с Л.Н. Толстым и В.С. Соловьевым, о котором упоминают Ю.П. Бартенев и В.Я. Брюсов. Но главное – этот диалог не завершился 20 апреля, а продолжился в заочном формате, перейдя на страницы федоровских писем, статей и заметок, ибо Федоров не раз возвращался умом и сердцем к своему разговору с поэтом – то иронически, то саркастически, то полемически-взволнованно. Так, в заметке «Бульварная апология смерти» он полемически разбирает статью издателя и главного редактора французского журнала *Revue des revues* Жана Фино «Влюбленным в жизнь», вошедшую в его книгу «Философия долголетия». Фино, выступая за продление жизни, объявлял причиной преждевременной смерти самый «страх смерти» и доказывал, что смерть не зло, а естественное продолжение жизни элементов тела умершего в новых, простейших формах, на атомарно-клеточном уровне. Федоров, для которого смерть есть источник и выражение предельного зла, проявление ущерба бытия, зримое свидетельство того, насколько далеко отстоит послегрехопадный порядок природы с его «взаимным стеснением и вытеснением»¹⁴ от неслиянно-нераздельного единства творения, образ которого явлен в Пресвятой Троице, с горечью констатирует: «Вместо мужественного призыва к борьбе со смертью ребячески советуют не смотреть на нее, уклоняются от добросовестного анализа ее причин и следствий» [25, с. 205]. Упрекая Фино в непоследовательности и внутренних противоречиях, Федоров проводит па-

¹² См.: Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 404 [22].

¹³ См.: Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 632–633 [23].

¹⁴ См.: Федоров Н.Ф. Молитва о всеобщем спасении // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 48 [24].

раллель между ним и Львом Толстым, который, восставая против войны и смертной казни, настаивая на соблюдении евангельской заповеди «Не убий!», тем не менее утверждает, что «смерть – хорошая вещь»¹⁵. В.А. Кожевников, готовивший заметку «Бульварная апология смерти» к печати для II тома «Философии общего дела», приводит в примечании к ней обнаруженную им в бумагах Федорова заметку следующего содержания: «Просмотрев номер газеты, насчитал пять смертоубийств и подумал, согласно с Брюсовым, повторяющим слова Толстого, неизменно верного своей заповеди “не думания” и уверяющего, что “смерть хорошая вещь”, – сколько прекрасного совершилось в одной Москве! а в целом мире ежеминутно, быть может ежесекундно, совершаются подобные же прекрасные вещи; еще же лучше было бы, если бы почаще были войны да эпидемии. Как же можно говорить, что жизнь дурна, когда в ней так много хорошего?! А так называемая цель истребления, взаимного пожирания – какие прелести!» [25, с. 205].

Это сарказм, но сарказм, за которым стоит то же чувство, с которым в свое время Достоевский в январе 1881 г. читал переданные ему А.А. Толстой письма Л.Н. Толстого, где писатель, переживший религиозный кризис, излагал идеи своего религиозно-нравственного учения, формирование которого началось в конце 1870-х гг. Вот как вспоминала об этом А.А. Толстая:

«Вижу еще теперь перед собой Достоевского, как он хватался за голову и отчаянным голосом повторял:

– Не то, не то!..» [26, с. 258].

Такое же отчаянное «не то, не то» повторял Федоров на рубеже 1900-х годов, реагируя на всплеск декадентства, появление нового религиозного сознания и рождение символизма. Осенью 1903 г. мыслитель весьма осторожно отнесся к желанию своего ученика Н.П. Петерсона, вступившего в контакт с редакцией журнала «Новый путь», напечатать там изложение учения всеобщего дела. Сознавая, что религиозно-философские искания начала XX в. вызваны напряженным духовным алканием, ощущением трагического разрыва между путями веры и путями культуры, он в то же время боялся, что нарастающее духовное брожение станет не обновлением, а разрушением Церкви. И если идеологи «нового религиозного сознания» Д.С. Мережковский, Д.В. Философов, П.П. Перцов, объявившие о разрыве с позитивизмом «отцов» и обращении к метафизическим и мистическим темам, назвали свой журнал «Новый путь», то Федоров предлагает дать изложению учения всеобщего дела символическое название «Старый путь, или Пасхально-Кремлевский, т. е. Кладбищенский вопрос»¹⁶, подчеркивая, что в его основе не мистика и метафизика, а Христов завет, прозвучавший еще две тысячи лет назад: «Мертвых воскрешайте!» (Мф. 10: 8).

¹⁵ См.: Федоров Н.Ф. Бульварная апология смерти // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 205 [25].

¹⁶ См.: Письмо Н.Ф. Федорова В.А. Кожевникову. 1 июля 1903 // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 480 [27].

Главной ошибкой «интеллигентов», ходящих новым или нынешним путем»¹⁷, апологетов новейших идейных и художественных течений, Федоров считал саддукейское неверие в воскрешение, парадоксальное соединение громкого идейного реформаторства с признанием неизбежности и нормальности смерти. Этот тезис мыслитель не раз повторяет в статьях, заметках и письмах последних лет, подчеркивая вопиющую нравственную глухоту заявляющих: «На что воскрешение нужно?». Как когда-то в Католическом музее, куда приходили к «идеальному библиотекарю» Л.Н. Толстой и В.С. Соловьев, А.А. Фет и Н.Н. Страхов и где велись споры о предельных, «последних вещах», в которых углублялось и обогащалось новыми смыслами федоровское учение о воскрешении, так и теперь на собраниях в домах друзей и учеников – В.А. Кожевникова и Ю.П. Бартенева, а в последние три года жизни – в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, где Федоров работал вольнослужащим и куда приходили к нему и бывшие всегдашние Католической, и новые собеседники и совопросники, он продолжает свой призыв «к делу Божию», «общему для всех, родному и близкому для каждого», к «участию всех в самом великом благе: не пожертвования своей жизнью для спасения других, а спасения всех, т.е. себя самого, во всеобщем воскрешении»¹⁸. Сбивая автоматизм восприятия, стремясь разбудить в своих собеседниках совесть и стыд, он предлагает таким образом переформулировать риторический вопрос, зачем воскрешение нужно, на который его собеседники готовы ответить лишь в отрицательном смысле: «На что нужно возвращение жизни тем, которых мы вытесняем, или коих мы, живущие, пережили?» [28, с. 203].

В июле 1900 г., спустя два с половиной месяца после встречи с Брюсовым в доме Бартенева, Федоров вновь возвращается к идейному спору с ним. Поводом становится статья критика-народника М.А. Протопопова «Беллетристы новейшей формации», появившаяся в № 3–4 журнала «Русская мысль». М.А. Протопопов, разбирая раннее творчество М. Горького, упрекал современную литературу в том, что она все чаще становится проповедницей нищенской морали, учит «любви к дальнему» и демонстративному презрению к слабым, воспекает индивидуализм и восхищается «хищным типом». Если предшествующие поколения русских писателей, несмотря на горячие идейные споры, «стояли на одной нравственной почве», чтит культурную преемственность и уважали предшественников, то нынешние нищенцы никакого уважения к предшественникам не испытывают, а прямо их «упрадняют», не щадя и тех, кто связан с ними общей генеалогией, их духовных «отцов, дедов, прадедов»¹⁹. Презирая альтруизм «старичков», люди «нового поколения» отстаивают свое право «жить для себя»,

¹⁷ См.: Федоров Н.Ф. Что такое «интеллигенты», т.е. ходящие новым или нынешним путем? // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 203 [28].

¹⁸ См.: Федоров Н.Ф. Жить не для себя, ни для других – отрицание и альтруизма, и эгоизма // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 199 [29].

¹⁹ См.: Протопопов М.А. Беллетристы новейшей формации // Русская мысль. 1900. № 3. С. 32–34 [30].

верят в то, что «мир принадлежит человеку», а значит, ему нужно быть «смелым, дерзким, бесстрашным и, главное, – безжалостным»²⁰.

Споря с «беллетристами новейшей формации», Протопопов возмущался их демонстративным разрывом с традицией. «Смена поколений – процесс естественный и разумный, – подчеркивал он, – но не при этом процессе мы присутствуем и даже участвуем теперь» [30, с. 34]. В свою очередь Федоров, разбирая статью Протопопова, обращает внимание на внутреннюю противоречивость позиции публициста, который критикует новейшее писательское поколение за имморализм и беспамятство, за нежелание считаться с предшественниками, уважать их ценности и труды и одновременно признает естественным и разумным «смену поколений» в природе, где всякое последующее неизбежно и неумолимо вытесняет предыдущее:

«К этим господам, так суеверно относящимся к смерти и ни малейшего сомнения не допускающим в ее непреодолимости и непреложности, можно обратиться с таким же вопросом, с каким я обратился к декаденту, копающемуся в прахе “Русского Архива” (кажется, Брюсову?): откуда у них такая слепая вера в смерть? Вопрос этот должен иметь большую силу, ибо не может быть сомнения, что никакой критике этого вопроса, вопроса о смерти, они не подвергали; “что человек живет однажды” – это также принято на веру, и говорят они об этом по указке двадцати и более векового опыта. Попробуем поднять этот вопрос вместо вопроса о богатстве и бедности, которым до сих пор занимались. Этот вопрос предлагается и верующим, и неверующим, и для тех и других этот вопрос будет совершенно новый, ибо верующие считали веру представлением, мыслию, а не делом, а неверующие, т. е. философы и интеллигенты, по табунному чувству считают необходимым приносить жертвы чудовищу» [31, с. 323–324].

Определение Брюсова в данном фрагменте как «декадента, копающегося в прахе “Русского архива”» на первый взгляд выглядит шокирующим и эпатажным, более того – идущим вразрез со всегдашним вниманием Федорова к библиотечно-му, музейному, архивному делу как воскресительной, священной работе, как первому шагу на пути к реальному восстановлению жизни, в котором во всей полноте будет принимать участие религиозно ориентированная наука, вдохновленная идеалом «нового неба и новой земли». Но на самом деле оппонент Брюсова абсолютно последователен. Историческое знание и исследование, ставящее своей целью лишь мысленную, бумажную реконструкцию, не исполняет своего назначения. Всплеск филологических и исторических исследований «на рубеже двух столетий», которому активно отдавал себя и лидер русского символизма, видится Федорову уходом в теоретическое, бесплодное знание, завуалированным отречением от родства. Это не то любовно-творческое восстановление прошедшего, одушевленное «чаянием воскресения мертвых» и сознанием собственного соучастия в нем, образ которого он рисовал в статье «Музей, его смысл и назначение», когда «каждое поколение» становится «писателем житий, художником, создающим изобра-

²⁰ См.: Протопопов М.А. Беллетристы новейшей формации. С. 31.

жения своих отцов»²¹, влагая в этот труд всю свою душу, когда в деле воскрешающей памяти и взаимной любви ткется полотно всечеловеческого родства и человечество превращается в неслиянно-нераздельное многоединство, устрояя свою жизнь по образу и подобию Троицы. Это труд, принципиально застывший на стадии «мнимого воскрешения», не предполагающий ни необходимости, ни возможности перехода к реальному, физическому восстановлению жизни. И его Федоров хлестко и резко называет «гробокопательством», считая подобную редукцию знания и творческого делания человека постыдным отречением от дела Христова, предательством отца и «Бога отцов», тем более безнравственным, что оно совершается в год «XIX-летнего юбилея Рождества Христова»²², когда нужно совестливо и честно ответить на вопрос, исполнили ли мы, христиане, заповеданное Спасителем мира. Но вместо радикальной умеренности, подобной обращению Савла, живущие довольствуются компромиссом с Евангелием, ограничивая сферу дела Христова культурным бессмертием: «Мы строим, как фарисеи, нарядные гробницы отцам: усерднее, чем когда-либо, пишем биографии, истории и критики (вернее, впрочем – только критики под видом историй и биографий!); с усердием, подчас изумительным, копаемся в мелочных расследованиях минувшего, того, во что не верим, чего не ценим и не любим!..» [34, с. 206].

Декаденты, провозглашающие новые пути в творчестве, но при этом не видящие в искусстве его источного импульса к восстановлению жизни²³, ограничивающиеся художественными экспериментами, литературной критикой и архивно-филологической деятельностью, попадают в ту же ловушку, в которую загнал себя кумир эпохи *fin de siècle* Фридрих Ницше. Как иронически писал В.С. Соловьев: «Ницше, думая быть действительным сверхчеловеком, был только сверхфилологом. <...> Не найдя никакой религиозной действительности ни в себе, ни сверх себя, базельский профессор сочинил словесную фигуру, назвал ее “Заратуштра” и возвестил людям конца века: вот настоящий сверхчеловек!» [35, с. 292–293]. Но этот «сочиненный» гением немецкого деятеля сверхчеловек остается не более, чем литературным героем, и не имеет ничего общего с истинным Богочеловеком Христом, Который не литературно, а действительно воплотился от Девы Марии и не только проповедовал, но и исцелял, воскрешал и Сам воскрес, торжествуя над силами смерти.

Федоров, звуча в унисон с Соловьевым, предостерегает искателей новых путей в искусстве от повторения трагедии Ницше. Этому способствует то обстоятельство, что в последние три года жизни в его окружении оказываются деятели,

²¹ См.: Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 435 [32].

²² См.: Федоров Н.Ф. Само собою понятно, что и такие статьи, как «Всемирная Выставка»... // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 297 [33].

²³ В конце 1890 – начале 1900-х гг. Федоров создает целый ряд заметок, в которых, опираясь на новейшие данные археологии и антропологии, связывает генезис искусства с сознанием смертности, со стремлением восстановить умершего хотя бы в виде подобия (см. об этом подробнее: Семенова С.Г. Философ будущего: Николай Федоров. С. 350–352).

близкие к символистскому издательству «Скорпион». Помимо В.Я. Брюсова, с которым философ пересекся в доме Бартевых, это С.А. Поляков, инженер, переводчик, крупный коллекционер и владелец издательства, а также литературовед, коллекционер, исследователь жизни и творчества А.А. Фета Н.Н. Черногубов. По предложению Н.Н. Черногубова, Федоров начинает готовить свои рукописи для выпуска их отдельной книгой в издательстве «Скорпион», а С.А. Поляков финансирует их перепечатку²⁴. И хотя в конечном итоге философ прерывает подготовку текстов для «Скорпиона», поскольку издание, как свидетельствовал позднее В.А. Кожевников, «планировалось выпустить по очень высокой цене»²⁵, что противоречило убеждениям Федорова о бесплатности и общедоступности знания, участие в этом проекте выводит на новый виток его размышления о смысле и целях искусства, о том, «должно ли оно (искусство) ограничиваться творением мертвых подобий или же оно должно поставить себе целью дело, т.е. воссоздание действительное, живое, личное (всех наших от века утрат)»²⁶.

Этот вопрос философ неоднократно задавал в статьях и заметках о Ницше, и он также был частью спора, развернувшегося в доме Ю.П. Бартева. Как пишет Ю. Синеокая, среди деятелей русской культуры, каждый из которых избирал свою линию диалога с немецким философом и интерпретации его идей («Лев Шестов был поглощен религиозно-метафизической проблематикой, А. Луначарский – культурологическими, Н. Михайловский – социокультурными вопросами»²⁷), «Брюсов на всех этапах своего творческого пути оставался верен художественному эстетизму»²⁸. Федоров же, полагавший вектор развития искусства в переходе от «искусства подобий» к «искусству действительности», обращаясь в союзе с наукой к реальному преобразению жизни, предлагал радикальную перезагрузку эстетики, формулируя ее предмет так: «Эстетика есть наука о воссоздании всех бывших на крохотной земле (этой капельке, которая себя отразила во всей вселенной и в себе отразила всю вселенную) разумных существ для одухотворения (и управления) ими всех громадных небесных миров, разумных существ не имеющих»²⁹. Вагнеро-нищевскому синтезу искусств в музыкальной трагедии, создающему очередную иллюзию реальности и одновременно глубинно пессимистическому, отданному во власть апок-

²⁴ Материалы этого, так и несостоявшегося издания были обнаружены И.А. Савкиным (см.: Савкин И. Бумаги Н.Ф. Федорова из коллекции Института русской литературы // *Философия бессмертия и воскрешения: По материалам VII Федоровских чтений 8–10 декабря 1995 года*: в 2 вып. Вып. 1. М.: Наследие, 1996. С. 264–278 [36]).

²⁵ См.: Кожевников В.А. [Примечание] // ОР РГБ. Ф. 657. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 278 [37].

²⁶ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о заглавии // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 286 [38].

²⁷ См.: Синеокая Ю.В. Восприятие Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // *Фридрих Ницше и философия в России: сб. статей*. СПб.: РХГИ, 1999. С. 14 [39].

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Федоров Н.Ф. Искусство подобий (много художественного восстановления) и искусство действительности (действительное воскрешение) // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 231 [40].

fatī, готовому «с трагическим умонастроением» двинуться навстречу концу³⁰, он противопоставлял синтез искусств в литургии³¹, где художественные энергии включаются в дело воскрешения и преображения жизни.

Критикуя эстетическую концепцию Ницше, выраженную в книге «Происхождение трагедии из духа музыки» (1872 г.), Федоров подчеркивал, что она задает искаженный образ человека и ложный вектор истории. «Дух опьянения», лежащий, по Ницше, в начале искусства, противоположен тому «духу отрезвления», который рождается в человеке при столкновении со смертью ближнего, пробуждая в нем любовное усилие памяти, подвигая к тому, чтобы запечатлеть образ умершего в дереве, камне, на полотне или в слове. Этот дух отрезвления господствует в христианском искусстве, и именно он является у философа началом той метанойи, к которой призывается человечество, забывшее о своем родстве, погрязшее во взаимоотношительной розни, превратившее искусство в постыдную, часто злую игру.

Федоров чувствовал духовный надлом декаданса, видел характерное для творцов fin de siècle художественное заигрывание со смертью в иллюзорной надежде преодолеть ужас перед бездной небытия, чувствовал, как проникает в искусство тонкий смертный соблазн, оборачивающийся прямой эстетизацией зла. И свою программную работу «Супраморализм, или Всеобщий синтез, т.е. всеобщее объединение», над которой напряженно работал в 1900–1902 гг., построил в виде двенадцати «пасхальных вопросов», самой формой своего сочинения утверждая новозаветное «Последний же враг истребится – смерть» (1 Кор. 15:26). Эта работа стала не только новым изложением учения всеобщего дела, но и опытом построения воскресительной эстетики, где искусство в союзе с наукой и религией становится орудием «восстановления мира в то благолепие нетления, каким он был до падения»³².

Утверждая образ творчества как «внехрамовой литургии», призванной преобразить бытие, Федоров вставал перед необходимостью осмыслить пути символизма, претендовавшего на водительство в культуре и жизни. В письме В.А. Кожевникову от 1 июля 1903 г., ставя своей ближайшей задачей противопоставить новому религиозному сознанию «проект всемирного дела», антиномии эгоизма и альтруизма – принцип родства, синтезирующую логику Троицынства, он включает в орбиту полемики и символизм: «А еще прежде нужно произнести строжайшее осуждение, проклятие, анафему на иносказание, метафоры, символы, аллегории. До сих пор в них учение о воскресении имело самых страшных врагов» [27, с. 481].

³⁰ См.: Ницше Ф. Рихард Вагнер в Байрейте // Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2: Несвоевременные размышления; Из посмертных произведений (1873–1875); Мы филологи. М., 1909. С. 352 [41].

³¹ См. подробнее: Гачева А.Г. Христианство против ницшеанства. С. 318–320; Титаренко Е.М. Религиозная эстетика Н.Ф. Федорова // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 863–885 [42].

³² См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез, т.е. всеобщее объединение // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 401 [43].

Символизм, по мысли философа, как он складывается в европейском и русском искусстве конца XIX – начала XX в., глубоко отличен от символизма религиозного искусства, где символ предстает манифестацией самой Божественной реальности. Образ здесь богодухновенен, пронизан нетварными энергиями, ставит перед очами верующего мир не в его данности, а в его заданности, в перспективе преображения – не иллюзорного, а реального. «Символ веры», звучащий на каждой литургии, возглашаемый соборно сообществом верующих, есть действительное исповедание Троицы, Боговоплощения, Крестного страдания и Воскресения Спасителя, грядущего «воскресения мертвых и жизни будущего века». И звучащее слово выступает здесь в своей предельной конкретности, никакая иносказательность и размытость в нем невозможна, как невозможна она в Слове, ставшем плотью и обитавшем вместе с людьми.

Истоки подлинного символизма Федоров полагает в догмате иконопочитания, который был принят Седьмым Вселенским Собором, засвидетельствовавшим реальность обожения и открывшим человеку-художнику возможность соработничества со Творцом. Корни новейшего символизма, требующего от искусства предельного развития впечатлительности, напротив, лежат в той же спиритуализации христианства, которая в лице Д. Штрауса и Э. Ренана объявила Воскресение Спасителя иллюзией, призвав трактовать его аллегорически и символически. Апеллируя к программному стихотворению В.Я. Брюсова «Творчество» (1895 г.), ставшему своего рода манифестом новой символистской поэтики, за которой вставал соответствующий образ мира («Тень несозданных созданий / Колыхается во сне, / Словно лопасти латаний / На эмалевой стене. / Фиолетовые руки / На эмалевой стене / Полусонно чертят звуки / В звонко-звучной тишине» [44, с. 35]), Федоров критикует «поэзию, уклонившуюся из области определенных понятий в сферу неопределенных созвучий и призрачных световых (красочных) впечатлений», «ниспадающую до бессознательных, невыяснимых эмоций», подчеркивая, что «жрецы “искусства Будущего”» забывают, что «высшая задача искусства – не изображать, не рисовать отвлеченные мысли (что сводится к призрачному творению только подобий, то есть к иллюзии), а указывать путь и в художественной форме и в творческом восприятии создавать проект самого дела, самой истинной задачи рода человеческого»³³.

Подводя итог, еще раз отметим, что разговор с В.Я. Брюсовым, состоявшийся 20 апреля 1900 г. в доме Ю.П. Бартенева, отразился в мысли и творчестве Федорова. В следующей статье рассмотрим, как этот разговор и последующее знакомство с текстами Федорова, произошедшее уже после смерти философа, повлияло на эволюцию Брюсова и как деятели Федоровианы 1910–1920-х гг. продолжили диалог с поэтом о смысле и перспективах искусства.

³³ См.: Федоров Н.Ф. Об объединении искусств // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 4. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 161 [45].

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Загадочный мыслитель (Н.Ф. Федоров) // Булгаков С.Н. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. С. 286–301.
2. Семенова С.Г. Философ будущего: Николай Федоров. М.: Академический проект; Парадигма, 2019. 638 с.
3. Семенова С.Г. Русская литература XIX–XX вв.: От поэтики к миропониманию. М.: Академический проект; Парадигма, 2016. 890 с.
4. Hagemester M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München, 1989. 550 p.
5. Гречишкин С.С., Лавров А.В. Андрей Белый и Н.Ф. Федоров // Лавров А.В., Гречишкин С.С. Символисты вблизи: Очерки и публикации. СПб.: Изд-во «Скифия», ИД «Талас», 2004. С. 96–117.
6. Батыр Т.Б. Мотивы философии Н.Ф. Федорова в творчестве В.Я. Брюсова // Славянские чтения. 2013. № 2(8). С. 135–147.
7. Хайруллин К.Х. Космизм Валерия Брюсова // Дети Ра: Литературно-художественный журнал. 2016. № 12(146). URL: http://detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=17721. Дата обращения: 25.10. 2023
8. Карак П.С. В.Я. Брюсов как поэт природы и представитель русского космизма // Вестник МДУ имени А.А. Куляшова. 2021. № 2(58). С. 98–105.
9. Рублева Н.И. «Космос как предчувствие» (Тема космических полетов в литературе Серебряного века) // Будущее как сюжет: материалы Междунар. науч. конф. Вып. 3. Вологда: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 69–78.
10. Бартенев Ю.П. Памяти Николая Федоровича Федорова // Русский архив. 1904. № 1. С. 191–192.
11. Бартенев С.П. Николай Федорович Федоров. Два разговора о воскрешении мертвых // Русский архив. 1909. № 1. С. 119–122
12. Бартенев С.П. Письмо Н.Ф. Федорову // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 636.
13. Брюсов В.Я. Дневники 1891–1910. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. 203 с.
14. Бартенев Ю.П. Письма В.Я. Брюсову. 1898–1901 // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 76. Ед. хр. 17. 25 лл.
15. Zakydalsky T. Fedorov's Critique of Nietzsche, the «Eternal Tragedian» // Nietzsche in Russia / ed. V.G. Rosental. N.Y., 1986. P. 113–125.
16. Семенова С.Г. Николай Федоров и Фридрих Ницше // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 2004. С. 937–963.
17. Гачева А.Г. «Христианство против нищезнания»: Н.Ф. Федоров и В.С. Соловьев в полемике с Ф. Ницше // Гачева А.Г. «Идеал ведь тоже действительность...»: Русская философия и литература. М.: Академический проект, 2019. С. 313–331.
18. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 5–238.
19. Федоров Н.Ф. Шляхтич-философ // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 132–134.
20. Федоров Н.Ф. Христианство против нищезнания // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 144–146.
21. Федоров Н.Ф. Конец сиротства: безграничное родство // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 202–203.
22. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 390–404.
23. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 626–634.
24. Федоров Н.Ф. Молитва о всеобщем спасении // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 47–48.

25. Федоров Н.Ф. Бульварная апология смерти // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 204–206.
26. Толстая А.А. Воспоминания // Ф.М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 257–258.
27. Письмо Н.Ф. Федорова В.А. Кожевникову. 1 июля 1903 // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 479–482.
28. Федоров Н.Ф. Что такое «интеллигенты», т.е. ходящие новым или нынешним путем? // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 203–204.
29. Федоров Н.Ф. Жить не для себя, ни для других – отрицание и альтруизма, и эгоизма // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 199–200.
30. Протопопов М.А. Беллетристы новейшей формации // Русская мысль. 1900. № 3. С. 30–42 (2-я пагинация).
31. Федоров Н.Ф. Заметки к работе «Супраморализм» // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 321–327.
32. Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 370–437.
33. Федоров Н.Ф. Само собою понятно, что и такие статьи, как «Всемирная Выставка»... // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 293–297.
34. Федоров Н.Ф. Одно из противоречий «сынов века сего» // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 206.
35. Соловьёв В.С. Словесность или истина? // Ницше: pro et contra: Антология. СПб.: РГХИ, 2001. С. 293–296.
36. Савкин И. Бумаги Н.Ф. Федорова из коллекции Института русской литературы // Философия бессмертия и воскрешения: по материалам VII Федоровских чтений, 8–10 декабря 1995 года: в 2 вып. Вып. 1. М.: Наследие, 1996. С. 264–278.
37. Кожевников В.А. [Примечание] // ОР РГБ. Ф. 657. К. 4. Ед. хр. 6. Л. 278/
38. Федоров Н.Ф. Вопрос о заглавии // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Традиция, 1997. С. 286–293.
39. Синеокая Ю.В. Восприятие Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России: сб. статей. СПб.: РХГИ, 1999. С. 7–37.
40. Федоров Н.Ф. Искусство подобию (мнимого художественного восстановления) и искусство действительности (действительное воскрешение) // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 230–231.
41. Ницше Ф. Рихард Вагнер в Байрейте // Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. 2: Несвоевременные размышления; Из посмертных произведений (1873–1875); Мы филологи. М., 1909.
42. Титаренко Е.М. Религиозная эстетика Н.Ф. Федорова // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2. СПб.: РХГА, 2008. С. 863–885.
43. Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез, т.е. всеобщее объединение // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 401 [41].
44. Брюсов В.Я. Творчество // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1973. С. 35–36.
45. Федоров Н.Ф. Об объединении искусств // Федоров Н.Ф. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 160–161.

References

(Sources)

Collected Works

1. Bartenev, S.P. Pis'mo N.F. Fedorovu [Letter to N.F. Fedorov], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, p. 636.
2. Bryusov, V.Ya. Tvorchestvo [Creation], in Bryusov, V.Ya. *Sobranie sochineniy v 7 t., t. 1* [Collected Works in 7 vols., vol. 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1973, pp. 35–36.

3. Fedorov, N.F. Shlyakhtich-filosof [The philosopher-nobleman], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 132–134.
4. Fedorov, N.F. Khristianstvo protiv nitshsheanstva [Christianity versus Nietzscheanism], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 144–146.
5. Fedorov, N.F. Konets sirotstva: bezgranichnoe rodstvo [The End of Orphanhood: Boundless Kinship], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 202–203.
6. Fedorov, N.F. Molitva o vseobshchem spasenii [Prayer for Universal Salvation], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 47–48.
7. Fedorov, N.F. Bul'varnaya apologiya smerti [Tabloid Apology for Death], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 204–206.
8. Fedorov, N.F. Chto takoe «intelligenty», t.e. khodyashchie novym ili nyneshnim putem? [What are “Intellectuals”, so Walking a New or Current Path?], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 203–204.
9. Fedorov, N.F. Zhit' ne dlya sebya, ni dlya drugikh – otritsanie i al'truizma, i egoizma [To Live Neither for Oneself nor for Others is a Denial of Both Altruism and Selfishness], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 199–200.
10. Fedorov, N.F. Muзей, ego smysl i naznachenie [The Museum, its Meaning and Purpose], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 370–437.
11. Fedorov, N.F. Samo soboyu ponyatno, chto i takie stat'i, kak «Vsemirnaya Vystavka» [It Goes Without Saying that Such Articles as the “World Exhibition”], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 3* [Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 293–297.
12. Fedorov, N.F. Odno iz protivorechii «synov veka sego» [One of the Contradictions of the “Sons of this Century”], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, p. 206.
13. Fedorov, N.F. Vopros o zaglavii [Question about the Title], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 3* [Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 286–293.
14. Fedorov, N.F. Iskusstvo podobiy (mnimogo khudozhestvennogo vosstanovleniya) i iskusstvo deystvitel'nosti (deystvitel'noe voskreshenie) [The Art of Likenesses (Imaginary Artistic Restoration) and the Art of Reality (Actual Resurrection)], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 230–231.
15. Fedorov, N.F. Zametki k rabote «Supramoralizm» [Notes on the work of “Supramoralism”], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 3* [Works in 4 vols., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 321–327.
16. Fedorov, N.F. Supramoralizm, ili Vseobshchiy sintez, t.e. vseobshchee ob"edinenie [Supramoralism, or Universal Synthesis, so Universal Unification], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 1* [Works in 4 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, p. 401.
17. Fedorov, N.F. Ob ob"edinenii iskusstv [About the Association of Arts], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 160–161.
18. Nitshe, F. Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra], in Nitshe, F. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 5–238.
19. Nitshe, F. Rikhard Vagner v Bayreyte [Richard Wagner in Bayreuth], in Nitshe, F. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 2: Nesvoevremennye razmyshleniya; Iz posmertnykh proizvedeniy (1873–1875); My filologi* [Complete Works Vol. 2: Untimely Reflections; From Posthumous Works (1873–1875); We are Philologists]. Moscow, 1909.
20. Pis'mo N.F. Fedorova V.A. Kozhevnikovu. 1 iyulya 1903 [A letter from N.F. Fedorov to V.A. Kozhevnikov. July 1, 1903], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 479–482.

21. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [The General Meaning of Art], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 390–404.

22. Solov'ev, V.S. Ideya sverkhcheloveka [The Idea of a Superman], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 626–634.

Individual Works

23. Bartenev, Yu.P. Pamyati Nikolaya Fedorovicha Fedorova [In Memory of Nikolai Fedorovich Fedorov], in *Russkiy arkhiv*, 1904, no. 1, pp. 191–192.

24. Bartenev, S.P. Nikolay Fedorovich Fedorov. Dva razgovora o voskreshenii mertvykh [Nikolai Fedorovich Fedorov. Two Conversations about the Resurrection of the Dead], in *Russkiy arkhiv*, 1909, no. 1, pp. 119–122.

25. Bartenev, Yu.P. Pis'ma V.Ya. Bryusovu. 1898–1901 [Letters to V.Ya. Bryusov. 1898–1901], in *OR RGB. F. 386. Kart. 76. Ed. khr. 17. 25 ll.*

26. Bryusov, V.Ya. *Dnevnik 1891–1910* [Diaries 1891–1910]. Moscow: M. i S. Sabashnikov, 1927. 203 p.

27. Bulgakov, S.N. Zagadochnyy myslitel' (N.F. Fedorov) [The Mysterious Thinker (N.F. Fedorov)], in Bulgakov, S.N. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works, in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Nauka, 1993, pp. 286–301.

28. Kozhevnikov, V.A. [Primechanie] [Note], in *OR RGB. F. 657. K. 4. Ed. khr. 6. L. 278.*

29. Protopopov, M.A. Belletristy noveyshey formatsii [Fiction Writers of the Latest Formation], in *Russkaya mysl'*, 1900, no. 3, pp. 30–42.

30. Solov'ev, V.S. Slovesnost' ili istina? [Literature or Truth?], in *Nitsshe: pro et contra: Antologiya* [Nietzsche: Pro et contra: An Anthology]. Saint-Petersburg: RGKhI, 2001, pp. 293–296.

31. Tolstaya, A.A. Vospominaniya [Memories], in *F.M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov* [F.M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memoirs of his Contemporaries]. Saint-Petersburg: Andreev i synov'ya, 1993, pp. 257–258.

(Articles from Scientific Journals)

32. Batyr, T.B. Motivy filosofii N.F. Fedorova v tvorchestve V.Ya. Bryusova [Motives of N.F. Fedorov's Philosophy in the Works of V.Y. Bryusov], in *Slavyanskije chteniya*, 2013, no. 2(8), pp. 135–147.

33. Karako, P.S. V.Ya. Bryusov kak poet prirody i predstavitel' russkogo kosmizma [V.Y. Bryusov as a Poet of Nature and a Representative of Russian Cosmism], in *Vesnik MDU imya A.A. Kulyashova*, 2021, no. 2(58), pp. 98–105.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

34. Rubleva, N.I. «Kosmos kak predchuvstvie» (Tema kosmicheskikh poletov v literature Serebryanogo veka) [“Space as a Premonition” (The Theme of Space Flights in the Literature of the Silver Age)], in *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Budushchee kak syuzhet». Vyp. 3* [Materials of the International Scientific Conference “The Future as a Plot”. Issue 3]. Vologda: Izdatel'stvo Mariny Batasovoy, 2014, pp. 69–78.

35. Savkin, I. Bumagi N.F. Fedorova iz kolleksii Instituta russkoy literatury [Papers of N.F. Fedorov from the Collection of the Institute of Russian Literature], in *Filosofiya bessmertiya i voskresheniya: po materialam VII Fedorovskikh chteniy 8–10 dekabrya 1995 goda. V 2 vyp., vyp. 1* [Philosophy of Immortality and Resurrection: Based on the Materials of the VII Fedorov Readings on December 8–10, 1995. In 2 issue, issue 1]. Moscow: Nasledie, 1996, pp. 264–278.

36. Semenova, S.G. Nikolay Fedorov i Fridrikh Nitsshe [Nikolai Fedorov and Friedrich Nietzsche], in *N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 1*. Saint-Petersburg: RKhGI, 2004, pp. 937–963.

37. Sineokaya, Yu.V. Vospriyatie Nitsshe v Rossii: osnovnye etapy, tendentsii, znachenie [Perception of Nietzsche in Russia: Main Stages, Trends, Significance], in *Sbornik statey «Fridrikh Nitsshe i filosofiya v Rossii»* [Collection of articles “Friedrich Nietzsche and Philosophy in Russia”]. Saint-Petersburg: RKhGI, 1999, pp. 7–37.

38. Titarenko, E.M. Religioznaya estetika N.F. Fedorova, in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn., kn. 2* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books, book 2]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2008, pp. 863–885.

39. Zakydalsky, T. Fedorov's Critique of Nietzsche, the «Eternal Tragedian», in *Nietzsche in Russia*. N.Y., 1986, pp. 113–125.

(Monographs)

40. Gacheva, A.G. «Khristianstvo protiv nitshsheanstva»: N.F. Fedorov i V.S. Solov'ev v polemike s F. Nitshe [“Christianity against Nietzscheanism”: N.F. Fedorov and V.S. Solov'ov in a Polemic with F. Nietzsche], in Gacheva, A.G. *«Ideal ved' tozhe deystvitel'nost'...»: Russkaya filosofiya i literatura* [“The Ideal is also Reality...”: Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019, pp. 313–331.

41. Grechishkin, S.S., Lavrov, A.V. Andrey Belyy i N.F. Fedorov [Andrey Bely and N.F. Fedorov], in Lavrov, A.V., Grechishkin, S.S. *Simvolisty vblizi: Ocherki i publikatsii* [Symbolists up Close: Essays and Publications]. Saint-Petersburg: Skifiya; Talas, 2004, pp. 96–117.

42. Hagemester, M. *Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München, 1989. 550 p.

43. Semenova, S.G. *Filosof budushchego: Nikolay Fedorov* [Philosopher of the future Nikolai Fedorov]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2019. 638 p.

44. Semenova, S.G. *Russkaya literatura XIX–XX vv.: Ot poetiki k miroponimaniyu* [Russian Literature of the XIX–XX centuries: From Poetics to Worldview]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2016. 890 p.

(Electronic Resources)

45. Khayrullin, K.Kh. Kosmizm Valeriya Bryusova [Cosmism of Valery Bryusov], in *Deti Ra: Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal*, 2016, № 12(146). Available at: http://detira.ru/arhiv/nomer.php?id_pub=17721. Data obrashcheniya: 25.10. 2023.